

ДНЕВНИКИ СЕСТЕР САВОДНИК. Окончание*

Подготовка текста и комментарии В.С. Савчука

Аннотация. Публикуемые дневники вели девочки-подростки, а позже – юные девушки Оля и Наташа Саводник, дочери московского профессора-филолога Владимира Федоровича Саводника. Он был однокурсником и приятелем Валерия Брюсова, сам писал стихи, но известность приобрел своими многочисленными учебными пособиями и хрестоматиями по русской литературе. Сохранившиеся части дневников относятся к июлю 1914 г. – декабрю 1920 г. (дневник Оли) и ноябрю 1915 г. – октябрю 1917 г. (дневник Наташи). Часть страниц дневников была вырезана в более позднее время, вероятно, их авторами. Дневники дают представление о воспитании детей в семье московских интеллигентов, о повседневном быте русской интеллигенции начала XX в., о восприятии событий Первой мировой войны, революции 1917 г., Гражданской войны. Дневники позволяют проследить процесс взросления сестер Саводник и, следовательно, дают материал для понимания детской и юношеской психологии.

Ключевые слова: Ольга и Наталья Саводник, быт русской интеллигенции, воспитание подростков, Чернявская гимназия, Первая мировая война, революция 1917 г.

Савчук Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений Института истории и международных отношений ЮФУ, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, v.s.savchuk@mail.ru.

* Окончание. Начало см. в «Новое прошлое / The New Past». 2016. № 1. С. 192–211; № 2. С. 266–276; № 3. С. 194–225.

DIARIES OF THE SAVODNIK SISTERS. Ending

Editing and comments by V.S. Savchuk

Abstract. The diaries published here belong to teenagers and later-on young women Olya and Natasha Savodnik, daughters of Vladimir Fedorovich Savodnik, a professor of Philology from Moscow. He was a college fellow of Valery Bryusov and also wrote poetry; however, he became famous thanks to his numerous textbooks and anthologies in the Russian literature. The surviving parts of the diaries were written in July 1914 – December 1920 (the Olya's Diary) and November 1915 – October 1917 (the Natasha's Diary). Some pages were cut out later, probably by the authors. The diaries give an idea about raising children in a family of Moscow intelligentsia in the beginning of the XX cent., about everyday life of such families, their perception of the First World War, the 1917 Revolution, and the Civil War. A reader can follow the coming-of-age process of Savodnik sisters and thus acquire better understanding of psychology of personal development.

Keywords: Olga and Natalia Savodnik, the everyday life of Russian intelligentsia, raising teenagers, Chernyavskaya gymnasium, First World War, 1917 Revolution.

Дневник Оли

1918 год

2 января

Вчера состоялся у нас вечер-маскарад, но он был гораздо хуже, чем предшествующий. Тогда все собрались экспромтом, и было очень весело, а вчера так себе, можно сказать, даже скучно. Конечно, костюмы в этот раз были несравненно лучше. Я одета была в крестьянку. Я думаю, что В.К. узнал об этом от Игоря Калаша и потому оделся мне под пару. Но, я думаю, он вчера во мне совершенно разочаровался, так как я ничего особенного из себя не представляю и как-то теряюсь в обществе молодежи, совершенно не могу быть интересной¹.

16 января

Вчера, когда я читала с M-elle, к ней пришел один из четырех французов, бывших у ней перед Рождеством, а именно M-eur Fort. Мы тогда с ним очень дружелюбно беседовали. Позавчера, когда я была в театре, он хотел меня дожидаться у входа, но я уже вышла (это мне рассказала M-elle). Вчера я чувствовала себя немного плохо: у меня был маленький озноб, и я куталась в платок. M-eur Fort преподнес мне фунт табаку французского «для брата». Говорили мы обо всем, а M-eur F. заявил, что он хочет жениться только на русской девушке, и просил M-elle найти ему невесту. M-elle начала говорить, что у ней много учениц уже почти взрослых, как Olga Ilienca. «Ah! Olga! C'est vous M-elle», – обратился он ко мне. Я ответила, что он плохо слышит, т. к. это Olga Ilienca, а мою фамилию он знает. «Alors c'est dommage», – заключил он, – «je pensais que c'est vous». Я ему сказала, что впоследствии обязательно хочу поехать в Париж, он начал расхваливать Францию. «Alors je vous felicite M. vous la veruz bientot», – сказала я. Он отвечал, что теперь не хочет уезжать из Москвы. Я, конечно, поняла этот намек, но ничего не сказала. Вообще я заключила, что французы большие волокиты и женолюбы. Он попросил меня сказать, когда я ухожу после уроков из училища. Я ему сказала. Если он хочет меня встретить, то пусть, все-таки интересней идти с французом, чем одной. M-elle поставила на стол коробку конфет. M-eur Fort взял ее и предложил мне, я отказалась, он настаивал и, наконец, встал на одно колено. Я рассмеялась и сказала, что он как будто делает мне подношение, но что я очень благодарна, но раз я сказала, что не возьму, то настою на своем. При прощании он объявил, что, когда я приеду в Париж, он встретится со мною и будет мне показывать «красоты Парижа». Иногда M-elle выходила, и тогда мне было не совсем удобно, т. к. M-eur начинал смотреть на меня не отрываясь такими блестящими глазами, что я не знала, куда мне деваться, и даже один раз завернулась в платок и отворотилась. В первый раз он мне показался уродом, а теперь – нет, ничего, но, конечно, не красавец. Вот что я позабыла: он вдруг ни с того, ни с сего спросил меня, сколько, я думаю, ему лет. Я угадала верно – ему 23 года.

21 января

Вчера я в первый раз была в Студии Художественного театра. Давали «Гибель надежды»². Я никогда ничего подобного не видала, было замечательно, играли великолепно. Сама пьеса очень тяжелая, многие дамы плакали, я сама, хотя я никогда почти

не плачу, еле сдерживала слезы. Артисты не играли, но как бы сами все переживали, и это еще больше действует. Я даже не могу сказать, кто мне больше всего понравился, вернее – что все, даже самые маленькие роли играли великолепно. Сегодня, как вспомнишь, так все ужасно живо рисуется перед глазами. Вообще на меня эта пьеса произвела большое впечатление, до сих пор я ничего подобного не видала.

22 августа

Господи, что только творится на белом свете. Случается, что временами не знаешь, как и жить в таком хаосе. Большевики все уже и уже затягивают петлю на буржуазии и, я думаю, еще месяц и они ее совсем задушат. Неприятности теперь идут как в Толше, так и в Москве. Молотят хлеб у нас под наблюдением «бедноты» в лице Алексея. Чтобы убить своих собственных баранов, нужно спрашивать разрешение комитета³. Без комитета ни на шаг...

[Далее вырезано несколько листов – В.С.]

...дядю Ваню, что он слишком уже разнюнился, а он ведь такой же, не лучше. Господи! Как помотришь на дядей и думаешь: неужели у нас все такие; так какое же избавление все ждут, да разве может быть какое-нибудь избавление, если все сидят на своих местах, вздыхают и ропщат на плохие времена. Никуда не годятся такие мужчины, а даже зло на них берет; когда слышишь их разговоры, так и хочется закричать: «Кого вы ждете! Избавителя? Да разве будет какое избавление, если вы сидите и ничего не предпринимаете, за чужую шкуру редко кто вступится! Мышки!»⁴ И я все злюсь, злюсь и злюсь.

27 сент[ября]

Погода великолепная. Светлая, прозрачная осень и вдобавок тепло, сейчас бы хорошо пойти погулять, да подальше, а гулять не с кем. Я все жду тетей, может быть, они и приедут. Тетя Кланы хотела обязательно приехать в сентябре. Учение не известно когда начнется у Коли, а может быть, и всю зиму придется здесь прожить: в Москве голодно. Это первая осень, которую мы проводим в деревне, никогда как-то не приходилось заживаться осенью в Лукине, уже в августе начиналось учение. Замечательно красивая пора, осень. Выйдешь куда-нибудь на холмик и любуешься. Даль ясная, на желто-красном фоне листья темными группами вырисовываются ели и сосны, весь горизонт как бы сузился, и всё кажется очень близко и ясно. А в саду у нас, что за прелесть! Ярко-желтые дорожки и уже голые липы, кое-где удержавшие завядшие листья. Вот небо, правда, не так красиво, как летом, нет той яркой лазури, нет той глубины и необъятности; но зато река очень выигрывает от такого освещения – она совершенно синяя без всякой примеси других цветов, такая спокойная, и далеко видно эту синюю извилистую ленту. Как ни хороша осень, но я больше люблю зиму. Трудно сказать почему; может быть, потому что я не люблю эту замирающую природу, она на меня наводит грусть, какую-то тоску и беспокойство. То ли дело зима, ясная, морозная, солнечная, она как-то подбадривающе действует на меня, как будто вся горишь и закаляешься и телом, и душой в эту студеную пору. Бывало, идешь в Чернявское, щеки горят, глаза приходится

щурить от ослепительного блеска снега, веселость нападает какая-то, хочется смеяться и смешить других. А вечером, когда идешь с урока музыки, мелкий снежок кружится около фонарей, идешь и болтаешь с M-elle, указываешь ей на некоторых прохожих, которых так смешно разукрасил снег. Нет! нет ничего лучше зимы! Спросят, а плохая зимняя погода? и плохая погода может быть очень хорошей, то есть по времяпровождению. Напр[имер], если идет сильный и неприятно-мокрый снег, я люблю смотреть на эти мягкие снежинки, как они кружатся и летают, наскучит смотреть – идешь к маме, где топится камин, и слушаешь разговоры или читаешь книгу. Ох, зовут обедать, а на меня напало такое поэтическое настроение. Но стоит только вспомнить, что сегодня на обед вареная картошка, и поэтическое настроение зараз заменится самым прозаическим.

1919 год

1 февраля

Вчера только приехала из Москвы обратно в Толшу. В этот раз в Москве я прогостила больше месяца. Невесело в Москве; все пали духом, только и слышишь что печальные речи. Да и, правда, все трудней и трудней становится жить, всякий интерес к жизни теряешь и чувствуешь, что становишься каким-то зверем в душе, и притом хищным зверем. Но, вместе с тем, ничего не поделаешь, потому что человек так жить не может. Конечно, не культурному человеку все это легко перенести, все образование и просвещение встало, ему легко догнать его, если он захочет, но, вместе с тем, что касается жизни культурного человека, то жизнь, то есть жизнь внутренняя, заглохла, нет удовлетворения его высоким стремлениям, и он или совсем падает духом или же остервеняется. Что будет дальше, кто победит, культура или тьма на время?⁵ Один Бог знает.

4 февраля

Хорошо в деревне зимой. Осенью мне казалось, что это будет какая-то каторга, а теперь вижу, что нет места более спокойного и хорошего, чем деревня. В Москве не дай Бог теперь жить; это вся издергаешься. Вообще я вижу, что и Шурино мнение насчет деревни переменилось: сперва он ждал, когда-то ему можно поехать в Москву, а теперь он деятельно взялся за хозяйство и говорит совсем другое. Может быть, что и выйдет из Толши, дай Бог! Вчера я с Колей каталась с горы, что под садом, а сегодня сражалась с нянькой, да, положим, эти сражения ежедневные.

21 июня

Буду продолжать дневник, чтобы не разучиться писать, да, это совершенно верно, потому что, живя в деревне и занимаясь сельскими работами, не только можно разучиться писать, но даже и читать, так как проходят дни, а иногда и недели, и нет времени прочесть хоть строчку, особенно у меня, так как, кроме общественных полевых работ, у меня на руках и домашнее хозяйство, которое поглощает массу времени. Теперь я не удивляюсь, почему крестьяне так темны и не образованы, да какое же образование с сельским хозяйством! А, вместе с тем, без образования, разве это человек, да наши крестьяне, кроме образа человеческого,

ничего не имеют человеческого, это звери, настоящие звери, хотя иногда у них и бывают добрые порывы, но большей частью они завистливы, хитры, лицемерны и страшно алчны, и это их главное зло, необыкновенная жадность к деньгам, жадность к наживе, и теперь они же чувствуют, что дорвались, и стараются не упустить время, беря такие неслыханные суммы за все, начиная с первой необходимости: хлеба⁶. Когда я возвращалась из Москвы, то на берегу, где пришлось дожидаться парохода (к слову: это ожидание длилось ровно 12 часов), мне пришлось видеть такую сцену: одна баба после двухдневного выправления билета на вокзале в Москве (это так теперь ездят) – с первого взгляда можно было сказать, что она перенесла тяжелую болезнь, что потом и оправдалось – попросила у какого-то мужика хлеба, он все время ел, и у него осталась почти одна верхняя корка, приблизительно около фунта весом, и вот он с ней начал торговаться и продал эту корку ей за 15 рублей и потом еще все говорил, что это он только из жалости к человеку, который сутки не ел, продал так дешево. Но погубит когда-нибудь эта алчность русского мужика, а если и не погубит, то он будет здорово наказан.

23 июля

Опять начались дожди, но хлеб уже больше половины убрали, положим, я принимала малое участие в уборке, мне приходилось возиться со стряпней на кухне. Теперь у меня какое-то ужасно противное настроение; появилось какое-то раздражение, злоба и тоска, я приписываю все нашему житью в Толше. Наша жизнь всегда велась аккуратно, т.е. на все было свое время, по веревочке, а теперь день состоит из каких-то отрывков, а я ото всего отвыкаю с большим трудом, вот мне так тяжело и приходится и иногда так тяжело – прямо жить не хочется, несмотря на то, что я молода и еще много, можно надеяться, хорошего в будущем. Но не я одна такая злющая (положительно я стала злая): я вижу и все окружающие такие, и меня это немного утешает, значит, это не от меня зависит, это такое время. Тяжело, ужасно тяжело. Иногда так хочется счастья, веселья, чтобы можно было спокойно посмеяться и повеселиться, а тебя как будто кто-то держит в ужасной и мрачной темнице. Я теперь совершенно отвыкла смеяться и веселиться и стала какая-то бука и нелюдимка, и из-за этого я сама же себе порчу отношение ко мне окружающих, и ведь чувствуешь это и не можешь удержаться, какая нападает злоба и в то же время равнодушие ко всему. А, главное, у меня появилась, ужасно хотя глупая, гордость, и она, главная, вызывает неприятные столкновения с окружающими и, главное, с прислугой, она теперь, конечно, совсем изменила свои отношения к нам, хочет теперь и сама повластвовать и показать свое теперешнее превосходство: например, она теперь нам приказывает туда-то сходить, то-то сделать, а я ничего даже не могу сделать то, что мне «приказывают» мои родные, а уж прислуга тем и подавно. Конечно, совершенно верно они утверждают, что теперь все равные, все свободные; это я, конечно, понимаю и охотно признаю, конечно, все люди все равные, но, (и здесь всегда будет это «но») но не все одинаковые, т.е. нет ни одного человека, который бы походил не только внешностью, но и внутренностью (т.е. характером) на другого, и это никогда не может быть, никогда не было и не будет, пока люди все не превратятся в дикарей.

31 июля

Погода ужасная, настроение тоже. Могла бы пойти за грибами, да не хочется, да вообще ничего делать не хочется, сижу целыми днями и читаю Диккенса «Пустынный дом», книга очень занимательная, прямо не оторвешься от линии различных приключений. Сегодня нужно мне сходить к Анисье, может быть, соберусь к вечеру. Наши заняты молотьбой, я не принимала в ней сегодня участия. Вообще дел у меня на руках лежит много, а я ничего еще не делала; вообще я стала ужасная эгоистка и лентяйка, и, главное, я от этого сама очень страдаю и сознаю это, но ничего не могу с собой сделать и злюсь. Ах, это поганое время испортит мне совсем характер. Во-первых, у меня появилась жадность, которой у меня никогда не было, но эту жадность я замечаю во всех нас и приписываю нашему зимнему, как бы это выразиться, пищевому или съестному положению. Зимой, кроме картошки и фунта хлеба, у нас ничего не было, и это заставляло дрожать и беречь, если мы что-нибудь еще получим, и это бережение перешло в жадность, я надеюсь и даже уверена, что она пройдет, когда всего будет много. Во-вторых, общее раздражение друг на друга, и этому я нашла решение у Короленко: в одном из сибирских рассказов говорится про это раздражение, что оно появляется у всякого, кто возвращается в ограниченном обществе, а мы ведь, кроме Радионовых, никого не видим, и это объяснение, я по себе вижу, что верное, потому что, когда я приехала на время в Москву, у меня оно, можно сказать, совсем пропало.

Сегодня писала маме письмо и ничего не могла написать ей, как это и не стыдно, совсем разучилась собирать мысли и сосредоточить их на одном предмете, потому что я привыкла думать обо всем, привыкла разбрасывать их на все окружающее.

1920 год**26 января**

Мало-помалу свыкаемся с жизнью в деревне и привыкаем хозяйничать. Но теперь с прислугой очень трудно ладить, и у меня происходят по временам сражения на всех фронтах. В теперешнее время нельзя жить с прислугой и без прислуги трудно с непривычки, да и придется забросить всякие свои занятия, а это не хочется, и так и теперь-то мало времени почитать, а тогда и совсем не будет, и волей-неволей приходится себя сдерживать и лишнего не говорить, а это подчас очень трудно. От мамы что это мы давно не получали писем, с самого последнего приезда няни, и от бабушки тоже, да я и сама никак не соберусь написать ей и тете, а нужно, уж я давно не писала. День я провожу так: встаем мы полчаса девятого, я кормлю кур и выдаю Афимье мясо на суп, после чая убираюсь в комнате, потом готовлю на вечер, после обеда топлю печку и варю ужин; чай мы среди дня не пьем, и здесь остается время почитать, в 4 часа иду загонять и кормить кур, вообще ходить за птицей – это моя обязанность, а там уж и смеркнется и ничего нельзя делать, так как при коптилке и вязать даже трудно, тогда играю немного на мандолине, или мы все вспоминаем «минувшие дни», а после ужина у нас происходит общественное чтение, и здесь мы зажигаем пятилинейную лампочку, которая и горит до десяти часов, это предельный срок, а там ложись спать, вот и вся жизнь; редко когда бывает что особенного, как, например, недавно у нас на деревне у Чуловых была свадьба, и тут я первый раз посмотрела деревенскую свадьбу, в субботу у них девишник, приходят девицы от невесты с елкой к жениху, их

здесь угощают и, пока они сидят за столом, каждую девку величают, потом танцуют, наконец, они сажают жениха в передний угол и его величают, за величанье платят деньги, потом они с елкой и песнями отправляются к невесте, куда вечером приезжает и жених, у невесты их тоже угощают и величают, они танцуют, и тем дело и кончается. Утром невеста как просыпается, так начинает причитать и будить сперва отца, потом мать и подруг, которые у нее ночуют, потом идут приготовления к свадьбе. Часа в 4 у жениха собирается поезд – ехать за невестой. Дуги обматывают полотенцем и украшают цветами, снаряжают вестового, ему надевают шапку, украшенную цветами и лентами, а через плечо повязывают полотенце, всех, собравшихся ехать за невестой, угощают, потом благословляют жениха, священник три раза обходит поезд и капит святой водой, потом дружка говорит: «граждане, благословите молодого князя ехать за невестой» – и поезд трогается, сзади бросают овес крест на крест. Что происходит у невесты, я не видала, но слыхала рассказы. Расстилают овечью шубу и после, как жених выкупит невесту, их ставят на нее, и мать невесты благословляет. После венчанья у них идет пир и танцы. На другое утро девушки приходят подымать молодых, затем молодая обвязывает всех полотенцами и входит в избу (ночуют молодые в холодной избе), а там девушки не дают им места, и после выкупа усаживаются все обедать. Это наз[ывается] «красный обед». Три дня празднуют у молодых, затем идут «отводы», то есть молодые ездют [так в тексте. – В.С.] к тем, кто был у них на свадьбе. Очень интересно посмотреть на их обычаи и послушать величанье⁷.

29 января

Вчера ходили с Колей за валенками, но они еще не готовы. Заходили к Анисье поговорить насчет Колиной шубы, как только няня привезет, так и отдадим шить. Видали, как прядут, смотреть – кажется легко, нужно будет обязательно завести пряжу и поучиться самой, я думаю, что научусь. Говорили там про пожар, сгорел в Белугине дом Даценко, они не успели, кроме 3 мешков риса, ничего вынести, все погорело – и хлеб, и одежда, как-то они теперь будут жить.

2 февраля

Что за жизнь и когда только она переменится! Все время это опасение, что останемся без куска хлеба. Положим, хлеба-то, в прямом смысле этого слова, хватит, но картошки, дай Бог, чтобы на месяц хватило, а с Афимией очень трудно сокращаться, и так приходится с ней вести картофельную войну. Еще удручает – это корм скотине. Весь вчера перевезли к себе и перемерили – оказалось только 28 мер, если 20 оставить на посев, остается всего 8 мер, а так как сена у нас осталось недель на 3, то придется еще сменять овес на сено, остается 2 меры, и с 2 мерами далеко не уедешь. Господи, как трудно теперь хозяйничать, денег нет, купить не на что, и приходится биться и постоянно даже ночью думать, как бы пробиться до будущего урожая и до выгона скотины, теперь еще привыкаешь думать постоянно об этом, и сперва было очень тяжело. Да еще эта прислуга, как с ней трудно, она не понимает и не хочет понять, что у нас почти ничего нет, и постоянно ворчит и ругается, как будто мы ее насильно держим. Ах, какое бы было счастье, если бы переехала к нам тетя, с ней бы мы и одни справились. Дай Бог, чтобы она решилась на это.

3 февраля

Мне предстоит еще война с Афимьей, это из-за теленка. Мама писала, чтобы я сама занялась выпаиванием. Что касается меня, то я не очень рада этому, так как предстоит выслушивать неодобрение и насмешки со стороны наших чалдонов⁸. Ну, да это все равно, если я решусь, то это будет по-моему. Сегодня именины А.И. – справили кофем и лепешечками. Хима нагадала ей, что приедет дядя Петя, а мы все над ней посмеиваемся, что дядя завел там на фронте новую жену и забыл ее и оттого не шлет писем и денег. Целый день сегодня толклись, то то, то се, ну, а теперь кур покормила – можно присесть почитать. Вообще хозяйством заниматься – это почти совсем бросить занятия и чтение. Да еще меня удручает Коля, очень редко когда можно с ним позаниматься, то ему некогда, то мне. Да и заниматься с ним очень трудно, не то чтоб он был неспособный, а просто очень ленив и, главное, рассеян и упрям; прямо иногда приходится себя через силу заставлять с ним заниматься, да делать нечего, это обязательно нужно, это моя обязанность, дай Бог, чтобы на нее хватило у меня силы.

5 февраля

Вчера приехала нянька из деревни, мы ее послали за овчинами, но что это Коле положительно не везет, недаром он родился 13 мая. У овчинника был пожар, и овчины он еще не выделал. Валенки отдали валять для Коли, валяльщик заболел, куда ни пойдет, все неудачи, вот не везет-то. А у меня опять несчастье, ястреб утащил курицу, уж сколько он кур перетаскал, да никак не уследишь, не знаю, что и делать. Гога все что-то хворает, была у него крапивница, а теперь, кажется, краснуха; вообще «наши мужчины» никуда не годятся: у Коли тоже насморки и кашель, да это не удивительно – шуба у него совсем разорвалась.

22 февраля

Наконец, мама решила переехать к нам с тетей Кланей, вот счастье для нас, а то самим в такие времена туго приходится – обо всем думать и думать постоянно, это очень трудно, иногда прямо голова идет кругом, да притом я здесь хозяйка, все обращаются ко мне, сена нет, думай, откуда достать, то, другое, все обдумывай, думай, думай и думай, хотя это очень хорошо, будешь самостоятельнее, но, с другой стороны, очень утомительно, ни минуты покоя, я и отдыхаю только по вечерам, когда Наташа читает вслух, тогда все забываешь, да насколько я не любила спать, настолько теперь меня тянет заснуть. Ну, да теперь я очень люблю хозяйство, очень интересное дело, да притом, когда будет нами руководить тетя, любительница и опытная в этом деле. Хорошо, что у нас есть теперь Толша, а то что же бы мы теперь делали. Служить я не могу, у меня очень плохой подчerk [так в тексте. – В.С.], быть учительницей, не дай-то Бог, а заниматься хозяйством, на которое у меня всегда с самого детства была склонность и интерес, вот это другое дело, верно говорит пословица: «человек предполагает, а Бог располагает».

26 февраля

Был проэкт перевезти в Толшу маму на лошадях, но он отпал, так как теперь стоит такая оттепель, что дорога расстроилась, а мы так надеялись, что Пасху мы

встретим все вместе, да против природы не пойдешь, опоздали мы с перевозом. Уж мы было совсем и собрались, но Антипыч сказал, что наша лошадь не дойдет, лучше поехать попросить у дедушки (Агашиного отца) лошадь, ну, вот мы и поехали к нему, здесь было много приключений, нужно все описать. Выехали мы часов в 10 утра, ехали потихоньку, сперва правил Коля, но он все раскатывал сани на раскатах, я отобрала у него вожжи. Дороги из нас никто не знает, приходилось все спрашивать, в гору шли пешком, ну и, наконец, доехали. (Дедушка живет верст 15 от нас.) Нас не ждали. Усадили нас за стол завтракать: была картошка с льняным маслом и огурцы соленые, я увлеклась замечательным хлебом, после чая был обед, вот здесь-то я поела вдоволь черной каши, Бог знает, сколько я уже ее не ела. Дедушка человек очень хороший, не похож на всех остальных мужиков, так здраво обо всем судит, такие хорошие советы подает по хозяйству, с ним очень интересно и приятно поговорить. Да и все его семейство очень хорошее. Но насчет лошади, как нарочно: при нас была сходка, и ему выпало ехать в Корень за дровами. Ну, наевшись, мы поехали, уже было часов 5 вечера, ну, думаем, авось доедем. Уже смеркалось, и был молочный туман. В ледовском поле попались нам 2 дороги, по какой ехать? Одна, хорошо наезженная, вела как будто в сторону от Ледова⁹, а другая была очень бела, а мы помнили, что мы ехали все по черной, ну и поехали по ней; я и говорю: «нет, эта дорога ведет уж очень в сторону, нужно вернуться, посмотреть ту»; вернулись, ну и все-таки решили ехать по старой, и въехали на самом деле в Ледово. Уже было совсем темно; стали мы спускаться с горы да видим – не туда; забежала я в избу, спросила, мы повернули на самой круче, причем я упала и чуть не попала под лошадь, и стали спускаться. Около моста пришлось нам вылезти, и я перевела кобылу через ручей. Здесь тетя встрянулась [так в тексте. – В.С.], где мешок, который она везла с вещами. Мы так и ахнули, мешка нет, но, к счастью, он нашелся в шагах в десять позади нас. Здесь предстояла самая трудная дорога; было много зажёр¹⁰, а уже было совсем темно. Поехали мы по дороге прямо, заехали не туда, повернули, выехали на перекресток, не знаем куда ехать, но, к счастью, вдруг слышим, что кто-то за нами едет, мы подождали, чтобы спросить, сказали: поезжайте по этой дороге прямо. Ехали-ехали и заехали прямо в зажеру, лошадь начала тонуть по колени, ехать дальше страшно – завязнет лошадь, вылезла я, лед подо мной подламывается, опять села и повернула лошадь, едем обратно и не знаем, куда свернуть, стояла ведь оттепель, везде вода, а под нею лед, опять куда-нибудь заедешь. Опять слышим, что где-то едут, мы кричать, нам ответили: поезжайте прямо на нас. Мы поехали, выехали на дорогу и потихоньку добрались до Григорьевска. Здесь уже дорога знакомая, и дальше доехали благополучно. В другой раз будем умнее, поздно не будем выезжать и останемся ночевать, как нам предлагали.

27 февраля

Тетя Кланыя хотела ехать в Москву за вещами, доехали до Безпуты, через нее дороги нет, мельницу спустили, вода идет по мосту, по реке Григорий не решился ехать, так и вернулись. Вечером хотела сходить на мельницу, поговорить с Борис Николаевичем насчет помола. Упросила я его, чтобы завтра смелить пораньше и чтобы он не брал мукой. Ну вот, завтра и поедут тетя с Наташей молоть.

5 марта

Ждем тетю из Москвы, что-то уж очень долго не едут, вдруг не приедет, и вдруг она приедет с мамой, вот почему так долго. Когда очень чего-нибудь хочется, так ждешь, как-то сердце замирает. Вот и теперь: должны сейчас приехать и не едут, ох, не люблю я эти ожидания, а с другой стороны, интересно узнать, сбудется или не сбудется, что ты ждешь. Стояли все заморозки, теперь отпустило. Идет снег, вообще погода пасмурная и неприглядная. Господи, как они долго не едут и что мешкают, могла бы ведь выехать с рассветом. Наташа куда-то ушла, А.И. сидит с Гогой, который опять захворал. Идти встречать, очень сыро, настоящая предвесенняя погода: идет снег большими, редкими, мокрыми хлопьями, куры ходят нахохлившись. Да, у нас великое событие, нянька ушла, как мне опостылела эта нянька за последнее время. А мы и рады: такую воровку держать в такое время нельзя, она абсолютно все у нас воровала, даже в последний свой приезд утащила из-под носа ключи от всех шкапов и чуланов, хорошо, что мы сейчас же встрепенулись и спросили у нее, тогда она незаметно подложила ключи, к Гоге, как будто бы он взял, а мы ведь всюду искали, а я заметила исчезновение, когда нянька уходила из комнаты, то у ней брякнуло что-то. Я давно маме говорила, что таких прислуг нельзя держать, но мама ведь больна, а я была еще слишком мала для хозяйства, да притом мама ее держала из-за воспоминания о Тане, когда Таня заболела, так она согласилась одна ехать с ней в больницу, и на ее же руках она и умерла. Перед отъездом она все говорила: «я все равно вернусь, меня мать не отпустит», к чему это, раз она сама добровольно уходит. Она всем говорила, что «это я из-за “Ольгиного фонда” (характера) уходит», да, это правда, мы все время с ней имели столкновения, да как же и не сталкиваться с ней в хозяйстве, когда она все ворует. Нет, мы маму попросим, чтобы она ее отпустила, как-нибудь и без нее управимся.

21 марта

Сегодня ходили мы в Кутуково¹¹ с А.И., зашли в совет, ничего там не узнали, что нам нужно было, я затем отправилась к учительнице Антонине Михайловне. Я позавидовала, как они живут, им не нужно ни думать о прокорме скотине, ни вообще о хозяйстве. Утром занятия, а после двенадцати делаю свое дело. И у них так чисто и уютно, они такие веселые и милые. Хорошо жить, как они живут, я уж думаю, не поступить ли мне в учительницы, да хозяйство вещь такая, что его не бросишь. И они весело живут, собирается у них молодежь. Вот будут ставить спектакль, я очень просила взять и нам билеты, нужно же познакомиться со всеми, а то одной очень скучно жить; а я все-таки люблю повеселиться, хотя и не умею держать себя среди молодых людей, не умею заинтересовать их собою. Ну, да А.И. поставит меня там на ноги, а уж потом пойдет все само собой. Вот только надеть мне нечего. Вот это беда, хочется все-таки пофрантить, да не в чем, вот горе, все хорошие платья в Москве, ну да все равно, если весело будет, так и в простом платье повеселюсь.

20 апреля

Теперь главная моя забота, как нам прокормиться это лето; гречиху никак не изрушили, да и будет ее 2 п[уда], и ржаную кашу будешь есть каждый день, так ни хлеба, ни каши не будет скоро. Вот положение, все время обдумываешь и обдумываешь, прокормить такую большую семью, когда все подходит к концу, и достать неоткудово,

невообразимо трудно и даже страшно, что придет день, когда ничего не будет. Вся наша надежда на огород, посеяли рано, даст Бог, прокормит нас до нового урожая. Вот теперь узнаешь жизнь, сперва думалось, что все хорошо и весело все пойдет само собой, а вот тут такие заботы, такие мучительные думы: да, жизнь – тяжелая вещь, теперь только, когда начинаешь думать и мыслить, то понимаешь это, а сперва я даже и не думала об этом. Но я благодарю Бога, что так случилось: что бы из нас вышло, если бы мы продолжали жить, как жили в детстве, какие-то принцессы на горошинках, а теперь, по крайней мере, будешь самостоятельно, будешь сама выбиваться на дорогу, да я, положим, об этом теперь и не думаю, что будет в будущем, теперь все думы только о настоящем, насущном вопросе. Тяжело приходится с хозяйством, но что ж делать, нужно же кому-нибудь вести его, тетя на себя не берет, а ведь я теперь самая старшая, ну да, Бог даст, все уладится и к лучшему.

2 декабря

Решила продолжать дневник – главным образом из-за того, что совсем отучусь излагать свои мысли. А мыслей теперь приходит в голову такая бездна. Делиться ими не с кем, да я и не умею, в том смысле, что разговор у меня, когда я начну с кем-нибудь, как-то не вяжется, а иногда так хочется поговорить и поделиться впечатлениями. Теперь мне пришлось столкнуться с новыми людьми¹², так как я поступила на службу. Служу в библиотеке, ну, да об службе потом. А главное то, что, столкнувшись с чужими людьми, в то время, когда у меня как-то необыкновенно сильно начала работать мысль и так резко остаются все впечатления, может быть, я и не так выразилась, главное, пожалуй, то, что жить пришлось совершенно самостоятельно, в то время как сперва мы жили как куклы, вот почему столько мыслей и впечатлений, а мыслей правда без конца, так что иногда ум за разум как-то заходит и голова идет кругом, а теперешнее знакомство с новыми людьми еще больше заставляет работать голову. Кто они такие, похожи ли на нас, почему они мыслят так, а не как я, как они меня понимают? Да мало ли еще что хочется разгадать. Сперва, то есть последние зимы в Москве и первых два лета в Толше, когда я была достаточно велика, чтобы у меня были свои мысли, у меня голова совсем не работала, ничто на меня не производило сильного впечатления, книги, которые я читала, мало разрабатывались у меня в голове, я была, как теперь вспоминаю, в каком-то полусонном состоянии. Мне теперь кажется, что не только моя внутренняя, но и внешняя жизнь как-то стала другая, я говорю в том смысле, [что] внешняя жизнь, мои действия стали другие. Вообще я чувствую с радостью, что я становлюсь живым человеком, а не сомнамбулом, каким была раньше. Я не знаю как выразиться, я сперва как-то не чувствовала моей жизни, а теперь, куда я ни взгляну, что ни сделаю, мне чувствуется, что я живу, и как-то становится радостно.

3 декабря

Сейчас была у Надежды Ивановны; я с ней собираюсь ехать в Москву на неделю, буду сегодня просить себе командировку из школы. Н.И. сказала, что удивляется, как я могу так жить – без общества, без подруг и увеселений. Я сама не знаю, как я живу, сперва, да и теперь, любила повеселиться, теперь... *[далее вырван лист. – В.С.]*

6 декабря

Вчера целый день провела вне дома – было воскресенье. Я решила сходить с Надеждой Ивановной сперва в гости, а потом пройти поиграть на пианино. У Анны Михайловны Пичугиной (очень милая и симпатичная женщина) мы застали еще двух учительниц из 1-ой ступени. Разговор коснулся семейной жизни и любви. Валентина Петровна говорила, что детей она бы не желала иметь, что они приносят очень много хлопот. Мой взгляд, какая же семейная жизнь может быть без детей, притом же я думаю, что любовь никогда не бывает вечна, и в конце концов дети являются скреплением брака. Потом разговор коснулся любви и ревности. Говорили, что ревность является мучительной болезнью для некоторых, именно утверждали, что это есть болезненное состояние. Над[ежда] Иван[овна] заявила что она очень ревнива. Надеж[да] Никол[аевна] и Анна Михай[ловна] стояли против, что ревновать не стоит того, что человек разлюбит, то «сил мил не будешь», но, по-моему, ревность всегда существует во всякой женщине, а если и говорят, что «сил мил не будешь», то это до поры до времени, пока что их это не коснулось, но это моя только мысль, так как на деле я еще ничего не испытала. Таким образом поговорили мы часа 3, а затем пошла я в школу, я совершенно забыла, что должно быть родительское собрание, и так меня постигла неудача, не могла поиграть. Пошла к Валентине Петровне, и Над[ежда] Ив[ановна] потом пришла к ним, там чай пили и разговаривали. Странное дело: я никогда как-то не могу вмешаться в чужой разговор или не хочу, не разберу. Я заметила, что с человеком глаз на глаз я могу разговаривать, но, если присутствует или является кто-нибудь третий, разговор кончается и не вяжется. Я объясняю это не привычкой к обществу, я об этом очень сожалею, иногда хочется поболтать и не знаешь о чем, не находишь темы. Проводив Над[ежду] Ив[ановну] и Анну Мих[айловну], я с Валею отправилась в школу, где меня оставляли ночевать, но было еще слишком рано, и решили мы отправиться в клуб красинской¹³ молодежи. Проходя мимо II-й ступени, увидели мы, что и там идет пляс, но зайти решили уже потом. Дошли мы, наконец, до клуба: там в довольно просторной избе при капчущке [вероятно, синоним «при коптилке. – В. С.»] собралась молодежь, меня поразила их игра: девицы вяло визжат песню, два кавалера ходят посредине, песня кончается, кавалеры выбирают двух барышень, целуются с ними, и эти барышни начинают ходить и с припевом «барышня, прибодрись, низко всем поклонись, ножкой, ручкой протанцуй, кавалера поцелуй», следует опять целование. Пошла гармошка, девки жмутся в угол, никто не решается зараз раздеться для танцев, мало-помалу начинают раздеваться, но с большим трудом и как будто с неохотой, начинаются танцы, некоторые девки так даже и танцуют в тулупах, а в избе ужасная духота. Вообще всюду в русском человеке замечается ужасная вялость и какая-то сдержанность в смысле веселья, или это какой-то страх, как это я пойду танцевать, когда на меня все смотрят. Положим, я по себе тоже заметила, что как-то страшно бывает выступить, ну, уже если я разойдусь, то все позабываю. На обратном пути не пришлось зайти в школу, там уже все кончилось. Вечером разговор зашел у нас с Валею о Достоевском и его произведениях. Я произведения его все перечитала, а теперь займусь критикой. Утро я пробыла у Вал[ентины] Петр[овны], она занималась с учениками, а я сидела у ней в комнате и думала о жизни интеллигенции в деревне. Деревенская жизнь кладет свой отпечаток на людей, появляется какая-то и умственная вялость и вялость в действиях.

Человек только мечтает – хорошо бы повеселиться, а сделать это веселье как-то не умеет. По себе я замечаю, что ум прямо тупеет, сообразительность пропадает, хочется заняться чем-нибудь серьезно, но по временам нападает какая-то лень, в голову ничего не лезет, а лезут все или хозяйственные заботы, или прямо застаешь себя на том, что ум совершенно не работает, ни об чем не думаешь. Этой зимой я хочу заняться литературой, кой-что перечесть и прочесть критику. Еще вот о чем моя дума, хорошо бы на Рождестве, на масленице как следует, что называется, вовсю повеселиться, да очень в Красине нас мало народу, да люди-то все какие-то серьезные, исключая Марию Ивановну, она очень веселая и симпатичная.

9 декабря

В субботу у нас в школе будет праздник «День ребенка»¹⁴, и потому у меня в библиотеке происходят разные репетиции. 2 младших ученицы будут петь детские песенки, потом 2 старших – несколько песен. Сергей Иванович с Петяшиной репетирует мелодекламацию из «Снегурочки» – «Жалоба Купавы»¹⁵. Мне так хотелось попробовать прочесть это, но меня всегда удерживает какая-то робость, а у меня бы, я думаю, это вышло, я пробовала читать дома. Дома читаю Белинского, но я замечаю за собой странную вещь: я иногда читаю и не понимаю, опять перечту и опять не пойму, мне нужно вдуматься – тогда я пойму и запомню, а то теперь читаешь и ничего не остается в голове. Не знаю, как сосредоточить свое внимание, я прямо замечаю, что читаю без внимания.

13 декабря

Собирались мы в Москву и отложили поездку. Заболел мой заместитель Алексей Иванович и, должно быть, не скоро встанет. Мария Ивановна советует закрыть библиотеку на неделю, уже не знаю, возможно ли это, нужно же ведь съездить наконец, а то мы уже более месяца не получали известий от наших. Уж более чем полгода не была я в Москве, а здесь, когда мы в первый раз собрались, мне так захотелось, но чего очень хочется, того всегда не бывает. Я замечаю за собой, что когда что-нибудь не сбывается, после этого приходит какая-то апатия, какое-то равнодушие, «ну, не сбылось и не сбылось», по-моему, это плохое чувство, нужно всегда стараться, чтобы все выходило. Вообще я замечаю, что стараешься, чтобы тебя ничто не беспокоило, ни об чем не думаешь, а ведь это очень нехорошо, в голове получается какая-то пустота, нет никакой мысли, а иногда наоборот. Отчего это происходит, от деревенской ли жизни и различных ее обстоятельств, верней всего – от так называемой «теперешней жизни»¹⁶. Но теперь, наоборот, жизнь такая сложная, что каждый день приходится обдумывать, вообще все происходит теперь неизвестно отчего. За собой наблюдаю какую-то двойственность, например, мне сейчас писать хочется, а голова отказывается работать, и теперь нужно силой воли заставлять работать голову. Нет, больше ничего не буду писать, пойду почитаю. Читаю «Исповедь» Толстого, только сегодня начала. Т. Т. Т. Т. Т. Т. Т. Г. Г. Г. Г. Г. Г. Г. вот иногда мне хочется заниматься пустяками, вместо того чтобы заняться делом.

[На этом обрывается дневник Ольги Саводник. – В.С.]

¹ Очень характерный для дневников сестер Саводник мотив: взрослеющим девочкам (девушкам) кажется, что они «ничего особенного из себя не представляют». Но как им в душе, очевидно, хочется производить благоприятное впечатление на окружающих, тем более – на молодых мужчин!

² Спектакль «Гибель надежды» Г. Гейерманса был поставлен режиссером Р.В. Болеславским в Первой студии Московского Художественного театра (основана в 1912 г.).

³ Речь идет о созданных по декрету СНК 11 июня 1918 г. «комитетах бедноты», распоряжавшихся на местах едва ли не всеми текущими вопросами.

⁴ Весьма характерно возмущение юной Оли Саводник нерешительностью (чтоб не сказать – трусостью) мужчин «из их круга», то есть интеллигентов, резко критикующих большевистский режим, но не готовых бороться с ним до конца, может быть, ценой собственной жизни.

⁵ Через примерно 70 лет будут опубликованы мемуары Олега Волкова «Погружение во тьму».

⁶ Весьма нелицеприятная характеристика поведения русских крестьян в годы Гражданской войны.

⁷ Довольно подробное, почти этнографическое, описание свадьбы в деревне Центральной России начала XX века.

⁸ Согласно «Большому толковому словарю русского языка», слово «чалдон» употребляется в двух значениях: «1) коренной житель Сибири; 2) Бранно. О ком-либо, вызывающем неудовольствие, раздражение, гнев» (СПб.: Норинт, 2002. С. 1467). Ясно, что в данном случае речь идет о втором значении слова.

⁹ Деревня Ледово находится ныне в Ясногорском районе Тульской обл.

¹⁰ От глагола «зажерлеть». См. у Даля: «По дорогам зажерло, образовались зажоры; снег, в оттепель, всплывает по дорогам в яминах и, смешиваясь с грязью, обманывает ездока, скрывая их» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 2000. Т. 1. С. 577).

¹¹ Село Кутуково находится ныне в Ясногорском районе Тульской обл.

¹² «Новые люди» – понятие, часто встречающееся «на сломе» исторических эпох. Вскоре эти «новые люди», о которых упоминает Оля Саводник, станут говорить о себе «мы – советские люди» и будут противопоставлять себя «бывшим людям», «осколкам» прежней, дореволюционной России.

¹³ Очевидно, речь идет о селе Верхнее Красиное, находящемся ныне в Ясногорском районе Тульской обл.

¹⁴ Характерная деталь: учреждение новых праздников, которые, по замыслу советских властей, должны были вытеснить религиозные и традиционные русские национальные праздники.

¹⁵ Кулава – персонаж пьесы-сказки А.Н. Островского «Снегурочка» (1873).

¹⁶ Снова в дневнике противопоставление «так называемой теперешней жизни» – жизни прежней, привычной.